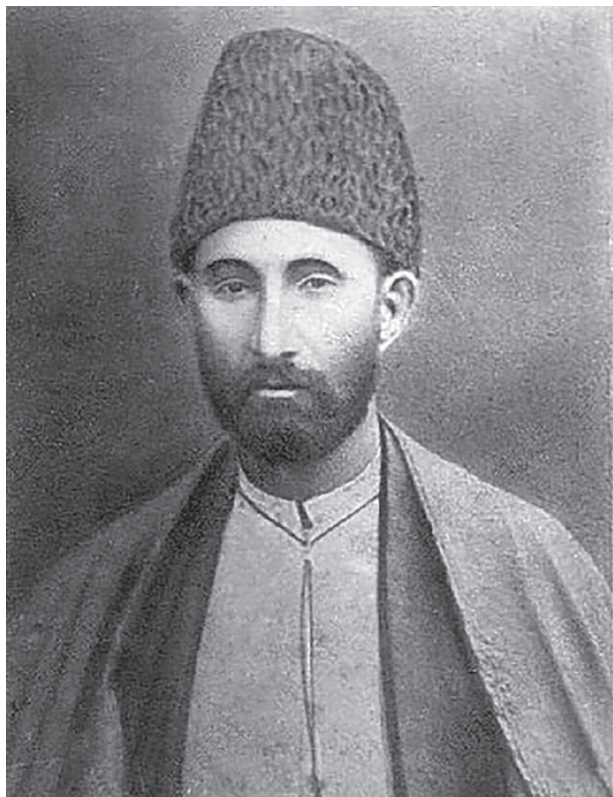

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ

ШИРВАНСКИЙ САТИРИК- ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Античные философы, наблюдая окружающий мир и обсуждая его устройство, утверждали, что смысл всего сущего заключается исключительно в существовании человеческого рода, что целью мироздания является создание благоприятных условий для его достойного бытия и самосовершенствования. Одним словом, всё создано для Человека и ради Человека. Следовательно, если допустить, что все существующее появилось на этот свет с какой-то целью, то цель эта, по мнению древних, сводится к служению человечеству. Ну и, конечно же, простирающийся

Сеид Азим Ширвани

перед взором человечества мир был, есть и будет самым чудесным, изумительным и восхитительным из всего того, что когда-то было сотворено.

Любое видимое и ведомое для нас природное явление – проявление игры творческой фантазии Всевышнего. Создатель, сотворивший Вселенную, милостив, хотя бы потому, что одаривает избранных из числа своих подданных творческим озарением, благодаря которому они привносят в жизнь человечества нечто дотоле невиданное, волшебное, сокровенное. О таких творцах во все времена с восхищением говорили и говорят: «автор, создатель, гений!» Сын азербайджанского народа, автор гениальных лирических, морально-дидактических, социально-сатирических, а также просветительских в демократическом духе произведений, выдающийся представитель азербайджанской поэзии второй половины XIX века Сеид Азим Ширвани – поистине один из таких вот избранных Великого Творца.

Среди духовенства древнего Шамахи Сеид Мухаммед был одним из самых уважаемых людей. После полуденного намаза, 10 июля 1835 года в мечети ему сообщили о рождении сына. Долго не раздумывая, счастливый отец произнёс имя новорождённого – **Азим**, что по-арабски означает «великий, высший, важный». К сожалению, в 1842 году Сеид Мухаммед скоропостижно умер, не дожив до того времени, когда Азим возвеличился. Материальная нужда вынудила Сакину ханум вместе с семилетним сыном переселиться в Дагестан к отцу, молле села Ягсай. Молла Гусейн лично занялся воспитанием и образованием внука. **За одиннадцать лет Сеид Азим в совершенстве изучил арабский и персидский языки, а заодно и несколько дагестанских языков, полностью освоил Коран. Для завершения духовного**

Город Шамахи – родина поэта

образования дед отправил его за границу, и Азим учился в Багдаде, Каире, Дамаске, посетил святыни мусульманского мира в Мекке и Медине, побывал в Алеппо, Исфахане, Тебризе, Ардебиле, ближе познакомился с духовно-культурной жизнью, видными учёными и поэтами крупных центров Ближнего и Среднего Востока. В 1860 году Гаджи Сеиду Азиму Ширвани был присвоен в Дамаске высокий духовный сан ахунда.

Однако после возвращения на родину интерес к общественным проблемам и тяга к научным знаниям со временем изменили его отношение к служению религии. **Воочию видя лицемерие, алчность, мракобесие и ханжество части духовенства, Сеид Азим всё больше проникался желанием посвятить себя творчеству и просвещению народа**, пропаганде науки и знаний. Он сознательно отказался от духовного звания, чем вызывал резкое недовольство и даже враждебное отношение со стороны местных священнослужителей.

Сеид Азим Ширвани долгие годы возглавлял в Шамахе поэтическое собрание **«Бейтис-Сафа»** («Дом чистых»), собрав вокруг себя прогрессивную интеллигенцию города, поддерживал также связи с аналогичными поэтическими собраниями в Баку, Шуше, Губе, Ордубаде, в которые входили видные азербайджанские поэты второй половины XIX века. Они участвовали в традиционных поэтических состязаниях, переписывались на разные литературные темы, наставляли, советовались, обменивались поэтическим опытом и т.д. Такие поэтические меджлисы – своего рода азербайджанская аналогия литературно-философских салонов, получивших распространение во Франции конца XVIII века или в России начала XIX века. Например, в Шуше подобным собранием, носившем название «Меджлиси-унс» («Собрание друзей»), руководила знаменитая поэтесса Хуршидбану Натаван (1832–1897).

В 1869 году Сеид Азим открыл в родном городе Шамахи **школу нового типа и до конца жизни руководил ею. В школе преподавали азербайджанский, персидский и русский языки, историю, географию, математику.** Здесь дети подготавливались к учебе в начальной городской школе. Сам поэт начал серьезно изучать русский язык и достиг заметных результатов – стал неплохо читать и писать, прилично изъяснялся устно. Для учащихся своей школы **Сеид Азим подготовил три учебника:** «Шариат», «Рабиуль-этфал» («Весна детей»), «Таджиль-кутуб» («Царь книг»).

Именно в этой школе Сеид Азим встретил своего любимого ученика – будущего гениального азербайджанского поэта-сатирика **Мирзу Алекбера Сабира** (1862–1911). И сыграл неocenную роль в его личной и поэтической судьбе, как до этого великий лирик Мирза Шафи Вазех (1792–1852) оказал важное влияние на становление мировоззрения основоположника азербайджанской драматургии и просветительской прозы, философа-мыслителя **Мирзы Фатали Ахундова** (1812–1878).

Барельеф с изображением Сеид Азима Ширвани на въезде в Шамахи

Заметное влияние на формирование прогрессивного мировоззрения Сеида Азима Ширвани, как, впрочем, и многих других передовых деятелей азербайджанской культуры, оказали **Гасан бек Зардаби** (1837–1907) и издававшаяся под его редакторством в Баку газета «*Экинчи*» (22.07.1875–29.09.1877). На страницах газеты поэт публиковал свои стихи, призывающие к освоению передовых достижений русской и европейской культуры.

В 1877 году Сеид Азим Ширвани был назначен учителем азербайджанского языка и шариата в городской школе Шамахи, где и преподавал с короткими перерывами до конца своих дней. К несчастью, этот конец наступил неожиданно и странно, в расцвете сил и поэтического творчества, на подъёме педагогической деятельности,

Надгробный памятник на могиле поэта

20 мая 1888 года поэт погиб в давке, целенаправленно устроенной при выходе из городской мечети как раз по завершении пятничного намаза подлыми религиозными фанатиками, давно жаждавшими расправиться с «еретиком». Прах великого поэта покоится на городском кладбище «Шахихандан».

Творческий путь Сеида Азима Ширвани, начавшийся в 1850-е годы, привлекает удивительной полифонией, многогранностью и разнообразием. **Он писал стихи на азербайджанском и персидском языках, как в традиционном романтико-лирическом ключе, так и в стиле реалистиче-**

ской сатиры и юмора, а также во всех формах и жанрах классической поэзии. Кроме того, его перу принадлежат миниатюрные прозаические рассказы, учебники, научно-исторические, литературоведческие работы и огромный составительский труд «Тезкире» – своего рода хрестоматия наследия азербайджанской классической поэзии.

В своих любовно-лирических газелях С.А. Ширвани продолжил традиции гениального лирика Мухаммеда Физули (1494–1556), но вместе с тем его лирический герой более реален, это живой носитель земной любви. Взгляд поэта на любовь выражен чётче, воспринимаясь как каноническое кредо: **любовь очищает и возвышает человека, направляет на путь доброты, благородства.** Тот, у кого в жизни нет любви, ничем не отличается от камня. Во всех лирических стихах поэта внешняя и внутренняя красота героев преподносится в тесном, неразрывном единстве. Истинная любовь – враг печали, она оберегает от жизненных неурядиц и толкает на подвиги. Любовь окрыляет любящего, делает жизнь ярче, духовно насыщеннее и богаче.

В поэтическом наследии Ширвани особое место занимают **стихи, имеющие критическо-разоблачительный пафос, вскрывающие социальные и нравственные недуги общества.** Такие произведения бичуют религиозных мракобесов, которые насаждают невежество среди народа. В сатирических стихах во всю мощь проявляются гнев и сарказм поэта, который остро критикует и верхи, и низы общества, едко высмеивает корыстных и невежественных священнослужителей, выступает против тьмы и отсталости, зовёт народ к просвещению и культуре. В сатирических произведениях С.А. Ширвани заметно благотворное влияние его известного предтечи, выдающегося азербайджанского поэта-сатирика **Гасым бека Закира** (1784–1857).

Характерным мотивом просветительских стихотворений Сеида Азима Ширвани служит **призыв к обновлению жизни, освоению достижений мировой цивилизации, избавлению от суеверий и предрассудков, обветшалых канонов, традиций и обычаев.** Поэт решительно выступал против схоластики и косности в образовании. Идеи гуманизма и интернационализма, восприятие общечеловеческих ценностей приобретали в его поэзии актуальное, масштабное звучание. В своих демократическо-просветительских воззрениях Сеид Азим является достойным продолжа-

телем гениального М.Ф. Ахундова. Для Ширвани характерен живой интерес к европейской и русской литературе, он знакомился с произведениями **А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова** и других известных авторов.

К великому сожалению, при жизни Сеид Азим Ширвани так и не стал свидетелем изданий своего богатого поэтического наследия. **Первая книга поэта, подготовленная его родным сыном Мирджафаром Сеидзаде под названием «Сборник», увидела свет лишь в 1895 году в Тифлисе на средства бакинского миллионера, мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева** (1823–1924). Затем последовали издания в Тебризе (1895, 1897, 1912), Баку (1902, 1930, 1937, 1950–1953, 1960–1963), но самым фундаментальным, полным и текстологически выверенным изданием является трёхтомник, выпущенный издательством Академии наук Азербайджанской ССР в 1967-м, 1969-м и 1974 годах. В подготовке этого издания самое активное участие принял известный азербайджанский востоковед и текстолог Сулейман Рустамов (1929–1975).

В изучении жизни и творческого наследия С.А. Ширвани особое место занимают видные азербайджанские литературоведы Фиридун бек Кочарли (1863–1920), академик Фейзулла Гасымзаде (1898–1976), академик Мамед Ариф Дадашзаде (1904–1975), академик Гамид Араслы (1909–1983), академик Азиз Мирахмедов (1920–2002), профессор Садык Гусейнов и профессор Заман Аскерли (1953).

Вся поэзия Сеида Азима Ширвани, одухотворённая и проникнутая высокими помыслами, направлена на служение демократическим, просветительским идеалам общества, по сей день, внося значимый вклад в культурное развитие и духовное обогащение азербайджанского народа. ✨

Литература

1. Антология азербайджанской поэзии. Под редакцией В.А.Луговского и Самеда Вургуна. Москва, «Художественная литература», 1939. 428 с.
2. Антология азербайджанской поэзии, в 3 томах. Т. II. Поэзия XIV–XVIII веков. Сост. Мамедгусейн Тахмасиб, Микаил Рзакулизаде, Наби Бабаев; ред. пер. П.Антокольский и Ч.Гусейнов. Москва, «Художественная литература», 1960. 328 с.

Последняя фотография поэта с членами семьи

3. Ərəb və fars sözləri lügəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani; məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967, 1036 s.
4. Seyid Əzim Şirvani. Əsərləri, üç cilddə. I cild. Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967. 742 s.; II cild, 1969. 652 s.; III cild, Bakı, «Elm», 1974. 500 s.
5. F.S.Qasımzadə. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı, "Maarif", 1974, 488 s.
6. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
7. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.А.Набиева и Т.Г.Керимли. Баку, «Элм», 2005, 453 с.
8. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. VI cilddə. IV cild. Bakı, «Elm», 2011, 858 s.
9. Послания будущему. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья акад. НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.Г.Керимли, составление, биографические справки и комментарий А.М.Багирова). Москва, «Художественная литература», 2011. 726 с.
10. Аркадий Барановский. Маймонид. Учитель и целитель. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2011. 336 с.

The article is dedicated to the life and work of Seyid Azim Shirvani, an outstanding Azerbaijani poet and educator of the 19th century. It is noted that Shirvani equally successfully wrote verses of lyrical, socially accusatory and satirical nature. His accusatory verses, vilifying the flaws of some of the clergy and calling for education and progress, caused hostility on the part of clerics and religious obscurantists.

ГАЗЕЛИ

ПРОШЛА – И ВСЁ

Не повернулась, не явила жалость, прошла – и всё,
И не взглянула, и не задержалась, прошла – и всё.
Вокруг шумит весна, а в сердце осень и листопад,
А в сердце только тлен и обветшалость, прошла – и
всё.

Я мучусь днём, а ночью, друг мой,
ночью я весь в слезах.
С отчаянием жизнь перемешалась, прошла – и всё.
Перед её конём, как перед шахом, упал я ниц,
Но в ней участия нету и на малость,
прошла – и всё.

На сборищах иных она пылает, других - горит,
А я во тьме, но тьма не удержалась, прошла – и всё.
Сеид, всё отняла её жестокость, её краса,
И мужество ушло, и возмужалость прошла – и всё.

БЕЗ СЛЁЗ

Я думал: расставанье с нею смогу перенести без слёз,
Но всё кровоточит разлука, и сердце кровью запек-
лось.

Сболтнул я лишнее, как видно.
Пусть онемее мой язык.
Я друга лучшего обидел. Любимая со мною – врозь.
Из-за чего возникла ссора? Всему виною – поцелуй.
Она ушла, а я пылаю. Во мне дыханье занялось.
Ах, ямочка на подбородке! В тебя я всей душой влю-
блён,
И эту душу, как Юсифа, в колодец бросить мне при-
шлось.

Любимая, любую пытку я молча от тебя приму.
Пусть творец меня накажет, что всё пошло и искривь,
и вкось.

Я в городе из всех красавиц люблю красавицу одну,
Бровей натянутые дуги опасней вражеских угроз.

Сеид был горд благородием. Своей же воле
вопреки.
Он вовсе разумом затмился от темноты её волос!

НЕ МОЖЕТ

Кто тобою быть навеки одурманенным не может,
Тот, наверно, волноваться сердцем каменным не
может.

Если ты – сердце грабитель, значит, целый город –
грешник.
Значит, повредить никто уж и обманом нам не может.

Кто не жертвует за сердце достоянием и верой,
Быть воистину хорошим мусульманином не может.

Жаль, что прядь волос густая на лицо твоё упала, –
Роза выжить с чёрным грузом, с чёрным пламенем не
может.

Если будешь ты со мною, то сгорю я непременно.
Очень густ туман разлуки, стать туман иным не может.

Мой соперник утверждает, что тебя со мною видел,
– Кто влюблён – не быть не может неприкайным. Не
может!

О Сеид, господь свидетель: подарил я милой сердце –
И оно своих волнений быть хозяином не может!

ВЕТЕРОК РАССВЕТНЫЙ

Если быть тебе у стен её случится, ветерок рассветный,
Передай мою тоску моей царице, ветерок рассветный.

Нет, не красит нас, не красит нас разлука, всё сильнее
мука,
Стал я слабым и больным, и желтолицым, ветерок рас-
светный.

Ты поведай, как страдаю, как я мучусь, – вот какая
участь! –
Пусть ей в сердце это слово постучится, ветерок рас-
светный.

Что мучительнице сделал я дурного? Почему сурова?
В сердце бедном сквозь рубаху кровь сочится, вете-
рок рассветный.

От меня осталось пол-меня, не боле, высох я от боли,
Сладкогубою наказан я сторицей, ветерок рассветный.

Пусть ужасным днём, что стал моей судьбою горькой
и лихою.
И неверных покарать Аллах боится, ветерок рассвет-
ный.

Ты хотя бы на могиле Мухаммеда расскажи про это,
Что Сеид совсем погублен луноликой, ветерок рас-
светный.

НЕ ИЗБАВИТ ОТ РАЗЛУКИ

Я врезался в девичью память, в сумятицу девичьих
снов.
От губ твоих кроваво-красных и сам я превратился в
кровь.

И пусть Аллах меня накажет и не избавит от разлук,
Коль за единственную встречу отдать всей жизни не
готов

Кто говорит, что тьма слепяца? Возможно ль верить в
эту ложь,
Когда я тьму волос увидел и чёрную, как полночь,
бровь.

О свет моих очей высокий, в моих очах пылает свет,
Когда мы смотрим друг на друга, глаза в глаза, моя
любовь –

Я губ твоих вино украдкой однажды быстро пригу-
бил,–
Источник Хызра, ты слабее, хоть славен множество
веков.

Неопытен, как видно, лекарь, и разобраться не сумел,
–
Невинности простую робость за опасенье принял
вновь.

Сеид, зачем ты ждёшь ответа? Иль недостаточен
намёк?

Она, не шевельнув губами, тебе ответила без слов!

ЗАБУДЬ О МОЛИТВЕ

Забудь о таинствах молитвы,
коль есть на свете мейхана.
Держи в руке не кости чётток, а чарку доброго вина.
Забудь аскетов и мечети, не бей поклоны,
не мечись:
Аскеты – совы, а мечети – развалины,
где ночь длинна.
Моя душа тоской объята, запуталась в твоих кудрях.
Считайте, что она безумна, что навсегда в цепях она.

Когда красавица захочет поправить волосы свои –
Ты, солнце, зеркалом служи ей, и гребешком ей будь,
луна!

Ах, покорись ей безраздельно, как мотылёк сгори у
ног.

Душа, коль мудрой быть желаешь, как мотылёк сго-
реть должна.

Взгляни, как стал я нынче жалок из-за невысказанной
любви.

С моею страшной болью рядом Фархада мука не
страшна.

Прошу, в мечеть не заходите, там царствует один
захид,

Сеид, скорей наполни чарку, она одна тебе верна.

НЕ НАДО

Если кубок твой наполнен – чётками стучать не надо.
На ревнителев намаза взгляда обращать не надо.

В мейхане седи спокойно, слушай, как поют мугамы,
А на голос муэдзина с места и вставать не надо!

Западня – захида речи, чётки – зёрна для приманки.
Берегись, о птица сердца, в западне скучать не надо.

Никому не подчиняйся, заклинаньям не сдавайся,
Никогда свою свободу в рабство превращать не надо.

Не стелись ты, как циновка, редким гостем будь в
мечети.

На уста в подлунном мире налагать печать не надо!

Позабудь о муках ада, не живи под божьим страхом,
Что там мир потусторонний! Мне о нём мечтать не
надо.

Мейхану считаю раем, кравчего зову гылманом.
Верить в то, что людям муллы могут обещать, не надо.

Бюст Сеид Азима Ширвани на территории историко-краеведческого музея в Шамахи

О Сеид, пойми глубоко суть написанной газели:
Быть гулякой и харчевни часто посещать не надо!

**Перевод Иосифа Оратовского
и Абрама Плавника**

ПРИТЧИ И РАССКАЗЫ

СЛУЧАЙ С МЕДЖНУНОМ

Меджнуна встретить путнику пришлось,
Печали пленник, он собаку нёс.
И, ничего не видя впереди,
Он шёл в слезах, прижавши пса к груди.

То лапы собачонке он лобзал,
То мокрый нос любовно целовал,
Так говоря:
«Лохматый верный друг,
Ты исцеляешь тайный мой недуг.
Да буду жертвой я собачьих ног –
Ты преступал возлюбленной порог.
Рабом очей горящих стать вели –
Ты созерцал достоинства Лейли.
Лай днём и ночью, пёс, не умолкай,
Бальзам для сердца – твой свирепый лай.
Шерсть источает амбры аромат,
Клыки, как жемчуг, ласково блестят.
Семь отроков тебе я в жертву дам,
Такого пса в раю не знал Адам!»

Меджнуну путник молвил:
«О, глупец!
Ты человек, создания венец,
Так унижаться перед псом – позор!»
Вздыхнул Меджнун, слезами полня взор:

«Любить мне шелудивца надлежит,
Он двор Лейли надёжно сторожит.
Счастливчик-пёс, ему большая честь.
Он у порога милой может есть,
Беспечно спать, свернувшись колесом.
Зачем творец меня не сделал псом?
Различие наше лишь в одном, внемли,
Я псу служу, а пёс – слуга Лейли!»

УПРЁК МЕДЖНУНУ

Однажды Меджнуну невежда заметил:
«Вот ты осмелся всех влюблённых на свете,
Красавиц, что Лейли прекрасней бесспорно,
По-твоему, в сердце лелеять зазорно?»

А так ли уж Лейли мила и прелестна?
Ведь есть и прелестней, мне точно известно!
Меджнун не сдержал невесёлого вздоха:
«Ты в деле любви, как я вижу, не дока!»

Почтенный, на Лейли взглянуть ты попробуй
Моими глазами затем, чтоб до гроба
Ты помнил, как лик её гордо сияет,
Какой он божественный свет излучает!

И ты, ослеплённый божественным светом,
Узнаешь, что Лейли прекраснее нету!
Лишь к Лейли одной моё сердце стремится,
Она – среди роз богоравных – царица,

Я к ней устремляюсь – к земной, настоящей,
Святая любовь – мой напиток пьянящий!
Не будь на невежество ты обречённым,
Мой ум не казался б тебе помрачённым.

Есть истина в мире обмана и праха,
Ей имя – любовь, ты служи ей без страха!

Ты тоже, Сеид, суете не поддайся,
Всё брось и любовью одной наслаждайся!»

Перевод Татьяны Стрешневой

СКУПЕЦ

Шутник сказал скупцу:
– Я видел сон. Скажи «к добру»!
– К добру да будет он!
А что за сон? Открой, коль не секрет.
– Во сне я ел твой хлеб и твой обед.
– Как! – побледнел скупец. – О, горе мне!..

Придя домой, он дал развод жене.
 Гази, узнав о том, спросил:
 – Скажи,
 Зачем прогнал жену?
 – Святой гази,
 За ней большая числится вина.
 Такая ж мне, как я, нужна жена:
 Пусть прячет хлеб, чтобы чужой едок
 Во сне – и то найти его не мог!

ВОПРОС ШАХА

У шаха пир: обсасывают кости
 И пьют вино изысканные гости.
 – Пусть встанет тот, – воскликнул он, хмельной, –
 Кто недоволен собственной женой!
 Немедленно вскочили все. И лишь
 Один не встал.
 – Хвала тебе! Сидишь –
 Доволен, значит, ты женою?..
 – Ах, –
 Промолвил тот, – прости, мой добрый шах,
 Я не могу подняться, – видят боги, –
 Жена мне палкой перебила ноги...

САТАНА

Пастух однажды встретился с муллой
 И преградил ему дорогу, злой.
 Дубину поднял, крикнул:
 – Супостат,
 Во множестве смертей ты виноват,
 Ты рад, проклятый, если люди мрут:
 Мертвец в дому – мулла уж тут как тут!
 Сам сатана душе моей велит,
 Чтоб этою дубиной был ты бит!
 Мулла взмолился:
 – Сын мой, горе мне!
 Ну разве можно верить сатане?
 Адама он подвёл – и гневный Бог
 Закрыл Адаму райский свой чертог.
 Не слушайся советов сатаны:
 Ведь люди лишь добро творить должны!

В ответ сказал с усмешкою пастух
 – Мулла! Мне повелел нечистый дух
 Отдать тебе в подарок двух ягнят!
 – Ах! – тот воскликнул, – слышать это рад!
 Как я сказал, твори добро для всех:
 Порой послушать сатану – не грех!

Сеид, хоть сам ты меж людьми – мулла,
 Себя, как тот, ты не срами, мулла,

Не крохоборствуй, меру знай и честь,
 Усвой мораль, что в этой притче есть!

САТИРА

ПОХОРОНЫ ПСА

У Гаджи богатого в долгу
 Были шахсевенцы, как в шелку.
 Тот Гаджи, неслыханно богат,
 Много табунов имел и стад,

Баранту – не сосчитать отар.
 Пса имел по имени Боздар.
 Бегал пёс по тысяче дорог,
 Баранту хозяйскую стерёг.

Но судьба готовила подвох –
 Верный пёс состарился и сдох,
 Стал хозяин обрывать его,
 Уложил он на кровать его,

Саван сшил, храня печальный вид,
 А потом вблизи могильных плит
 Яму вырыл и похоронил
 Пса Боздара у святых могил.

И, молясь семь дней в своём дому,
 Он справлял поминки по нему.
 О поминках услышал мулла,
 Возмутился: –
 Скверные дела!

Тот гаджи пред Богом виноват,
 Осквернил Коран и шариат.
 Разве можно веру сохранить –
 Пса, как правоверных, хоронить!

Сел мулла на жирного осла.
 Вдаль его дорога повела.

Окрестности города Шамахи

Едет он того гаджи винить,
Едет он того гаджи казнить.
Между тем хитрющему гаджи
Об угрозе кто-то и скажи!
И тогда богач без лишних слов
Из загона пятьдесят голов

На дорогу выставил овец.
И муллу он встретил:
– Ах, отец,
Ах, имама доблестный слуга,

Жизнь моя, как видно, недолга,
Злое горе пережить пришлось –
Умер мой Боздар, вернейший пёс.
Лев – не пёс! А сторож был каков?

Баранту спасал он от волков.
Крепки были лапы, острым – слух.
Завещал он, испуская дух,
Чтобы я его похоронил

На погосте, близ людских могил.
И ещё тебе, святой отец,
Завещал Боздар полста овец,
Вот они... Исполню волю пса!..

Глядя на овец во все глаза,
Простонал мулла, не пряча слёз;
– Не грехи! Да разве это пёс?
Твой Боздар не хуже нас с тобой –
Это подтвердит тебе любой.

Господу молитву вознесу –
Вечная да будет слава псу!
И мулла, склонив свою главу,
Из Корана прочитал главу...

БАСНИ

КОШКА И МЫШИ

В крови мышиною до ушей,
Душила кошка всех мышей –
Спасения несчастным нет.
Собрались мыши на совет,
Посоветались с месяцем,
Решили, наконец,
Что надо ей повесить
На шею бубенец.
Когда опять, теряя стыд,
Начнёт ловить их шкодница,

Бубенчик сразу зазвонит –
И мыши все схоронятся!
Прекрасно! Мудро решено!
И найден был бубенчик... Но
Мышонок маленький, ничтоже
Сумняшеса, спросил:
– А кто же
Повесит кошке бубенец?
Найдётся ли такой храбрец?
И кто из нас пойдёт на риск?

Тотчас умолк и визг, и писк,
И все задумались, скорбя.

Сеид, мечтой наивной
Не тешься, если у тебя
Коварный есть противник!

ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ

Плавал гусь по озеру,
Вытянувши шею:
– Птица я диковинная –
Плывать я умею!
А ещё могу летать
В небесах я, птица;
Да и бегать я могу,
Я всех птиц царица!

Услыхал журавль, что гусь
Говорит такое,
И сказал он:
– Гусь, берусь
Спорить я с тобою.
Плывать, словно рыба, ты
Можешь ли глубоко?
И парить средь высоты
Высоко, как сокол?
Бегать можешь ли, как лань,
По земле обширной?
Если нет – так перестань
Дуться, дурень жирный!
Гусь умолк, шипя со зла.
Мой наследник, ремесла
Одного постигни суть
И поверхностным не будь,
Не мечись ты влево, вправо,
А не то, боюсь,
Будешь и летать, и плавать,
И ходить, как гусь!

*Перевод Иосифа Оратовского
и Абрама Плавника*